

СТЕФАН

STEFAN ZWEIG

Стефан Цвейг

ЦВЕЙГ

Страх

СТЕФАНА ЦВЕЙГА «СТРАХ»

Стефан Цвейг

Страх

Серия «Классика на все времена»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74570836
ISBN 9785605545484

Аннотация

Новелла Стефана Цвейга «Страх» – это шедевр психологической прозы, исследующий глубокий и неизведанный мир человеческих эмоций и взаимоотношений. Жена успешного юриста, мать двоих детей Ирен Вагнер устав от однообразия повседневной жизни заводит интрижку с пианистом. Но эта связь не приносит ей никакой радости и удовлетворения, из-за постоянного страха быть разоблаченной мужем. Несчастная женщина оказывается в водовороте паники, чувства вины и саморазрушения. «Страх» – это психологическая камерная пьеса в прозе, в которой поднимаются экзистенциальные вопросы о морали, истине и внутренней свободе человека.

Стефан Цвейг

Страх

Stefan Zweig

«ANGST»

© ИП Воробьев В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Спускаясь по лестнице от своего возлюбленного, фрау Ирена почувствовала вдруг опять тот же бессмысленный страх. Перед глазами зажужжал черный круг, похолодевшие колени мучительно свело, и она должна была ухватиться за перила, чтобы не упасть. Она уже не в первый раз отваживалась на опасное посещение; это чувство внезапного ужаса было ей знакомо; каждый раз, когда она возвращалась домой, ею овладевал, как она ни сопротивлялась, такой же вот безотчетный приступ бессмысленного и нелепого страха. Идти на свидание было, несомненно, легче. Она останавливала извозчика на углу, быстро, не поднимая головы, добежала до ворот, торопливо взбиралась по лестнице, и этот первый страх, в котором пылало также и нетерпение, растворялся в горячих приветственных объятиях. Но потом, когда нужно было уходить, в ней ознобом поднималась непонятная жуть, смутно смешанная с ужасным сознанием вины и безумной боязнью, что каждый прохожий на улице прочтет на ее лице, откуда она идет, и ответит на ее смущение

наглой усмешкой. Последние минуты их близости были уже отравлены растущей тревогой этого предчувствия; ей хотелось уйти, руки дрожали от нервной спешки, она рассеянно прислушивалась к его словам и торопливо уклонялась от запоздалых проявлений его страсти; прочь, ей хотелось только прочь, из его квартиры, из его дома, из этой обстановки, назад, в спокойный буржуазный мир. Затем – последние, тщетно успокаивающие слова, которые она от волнения почти не слышала, и секунда ожидания за прикрытием двери, не идет ли кто вверх или вниз по лестнице. Но за дверью уже подстерегал страх, торопясь в нее вцепиться, и так властно останавливал ей сердце, что она всякий раз, еле дыша, преодолевала эти несколько ступеней.

Так она простояла минуту с закрытыми глазами и жадно вдыхала сумеречную прохладу лестницы. Вдруг где-то наверху хлопнула дверь; она испуганно встрепенулась и бросилась вниз, причем ее руки безотчетно натягивали еще плотнее густую вуаль. Теперь ей угрожал только последний, самый страшный миг: ужас выйти из чужих ворот на улицу. Она нагнула голову, словно собиралась прыгнуть с разбега, и с внезапной решимостью кинулась к полуоткрытым воротам. Там она столкнулась лицом к лицу с какой-то женщиной, которая, по-видимому, намеревалась как раз войти.

– Pardon [*Простите (фр.) – здесь и далее примеч. пер.*], – сказала она смущенно, стараясь пройти поскорее мимо.

Но женщина продолжала стоять в воротах и смотрела на

нее злобно и в то же время с нескрываемой насмешкой.

— Наконец-то я вас поймала! — бесцеремонно крикнула она грубым голосом. — Ну, разумеется, приличная дама, так называемая! Ей мало одного мужа, и денег, и всего, ей надо еще отбивать у бедной девушки любимого человека...

— Ради Бога... что с вами?.. Вы ошиблись... — пролепетала фрау Ирена и сделала неловкую попытку пройти мимо, но женщина занимала всю дверь своей полной фигурой и кричала ей в лицо пронзительным голосом:

— Нет, я не ошиблась... я вас знаю... Вы идете от Эдуарда, моего друга... Наконец-то я вас поймала, теперь я понимаю, почему ему последнее время не до меня... Из-за вас, значит... Подлая!..

— Ради Бога, — прервала фрау Ирена угасшим голосом, — не кричите так, — и невольно отступила.

Женщина насмешливо посмотрела на нее. Этот трепетный испуг, эта явная беспомощность были ей, видимо, приятны, потому что теперь она разглядывала свою жертву с надменной и иронически удовлетворенной улыбкой. Пошлое самодовольство делало ее голос звучным и почти веселым.

— Вот какой у них вид, у этих замужних дам, у благородных аристократок, когда они воруют мужчин. Под вуалью, разумеется, под вуалью, чтобы можно было потом разыгрывать повсюду приличную женщину...

— Что... что вам нужно от меня? Я ведь вас совсем не

знаю... Я должна идти...

– Идти... да, конечно... к господину супругу... в теплую квартиру, притворяться благородной дамой, и чтобы раздевали горничные... А каково нам, когда мы помираем с голоду, этим благородные дамы не интересуются... У таких, как мы, эти приличные женщины крадут последнее...

Ирена собралась с силами и, следуя смутному наитию, открыла портмоне и схватила сколько попало в руку ассигнаций.

– Вот... вот, возьмите... но теперь пустите меня... Я никогда больше не приду... клянусь вам.

Женщина взяла деньги, бросив на нее злобный взгляд. При этом она пробормотала:

– Стерва...

Фрау Ирена вздрогнула от этого слова, но, видя, что та посторонилась, ринулась на улицу, без памяти, не дыша, как самоубийца, бросающийся с башни. Лица прохожих скользили ей навстречу, как кривые рожи, пока она бежала вперед, мучительно спеша, с уже померкшим взором, к стоявшему на углу автомобилю. Она опустилась на сиденье, как безжизненная масса, все в ней оцепенело и замерло, и когда шофер с удивлением спросил странного седока: «Куда же ехать?» – она взглянула на него, ничего не понимая, пока наконец помутившийся разум не воспринял его слов.

– На Южный вокзал, – произнесла она торопливо, вдруг подумав, что эта особа может за ней погнаться. – Скорее,

скорее, поезжайте быстро!

Только сидя в автомобиле, Ирена почувствовала, до какой степени ее взволновала эта встреча. Она ощупала свои свисавшие вдоль тела холодные и неподвижные, точно омертвевшие руки и вдруг начала так дрожать, что ее всю трясло. К горлу подступало что-то горькое, она ощущала тошноту и вместе с тем глухую бессмысленную ярость, судорожно переворачивавшую у нее все в груди. Ей хотелось кричать или стучать кулаками, чтобы отделаться от ужаса воспоминания, засевшего в мозгу, как рыболовный крючок; это тупое лицо с язвительной усмешкой, это дыхание пошлости, дурно пахнувший беззубый рот, который злобно извергал ей в лицо гнусные слова, и поднятый красный кулак, которым та ей грозила. Ее мучило все сильнее, все выше подступало к горлу; к тому же быстро бегущий автомобиль бросал ее из стороны в сторону, и она уже хотела сказать шоферу, чтобы он ехал медленнее, как вдруг вспомнила, что у нее, быть может, не хватит денег, чтобы с ним расплатиться, потому что она ведь отдала все ассигнации этой вымогательнице. Она тотчас же велела остановиться и, к новому изумлению шофера, вышла из автомобиля. Остававшихся денег, к счастью, хватило. Но она очутилась в незнакомом квартале, в толпе суетящихся людей, которые каждым словом, каждым своим взглядом причиняли ей физическую боль. Притом от страха у нее ослабели ноги, и она едва двигалась; но ей нужно было домой, и, собрав всю свою энергию, она с нечеловеческим

усилием потащи́лась из улицы в улицу, точно шла по болотам или по колено в снегу. Наконец она добралась до дому и с нервной торопливостью бросилась вверх по лестнице, но тотчас же умерила шаг, чтобы не выдавать своей тревоги.

Только когда горничная сняла с нее пальто, когда она услышала в соседней комнате голос сына, игравшего с младшей сестрой, когда окинула взглядом привычную обстановку, собственные вещи и домашний уют, к ней вернулся внешний покой, хотя подземная волна возбуждения все еще мучительно бушевала в напряженной груди. Она сняла вуаль, провела руками по лицу, силясь казаться спокойной, и вошла в столовую, где ее муж у накрытого к обеду стола читал газету.

– Поздно, поздно, милая Ирена, – приветствовал он ее нежным укором, встал и поцеловал ее в щеку. Это прикосновение невольно пробудило в ней тяжелое чувство стыда. Они сели за стол; и он спросил равнодушным голосом, почти не отрываясь от газеты: – Где ты была так долго?

– Я была... у... у Амели... ей нужно было кое-что купить... и я пошла с нею, – прибавила она и тут же рассердилась на себя за то, что солгала так неудачно. Обыкновенно она заранее подготовляла тщательно придуманную ложь, такую, которая могла выдержать любую проверку, а сегодня от страха она забыла, и ей пришлось прибегнуть к такой неловой импровизации. «А что, если муж, – мелькнуло у нее в голове, – как в той пьесе, что мы видели на днях в театре,

позвонит по телефону и справится...»

— Что с тобой?.. Ты в таком нервном возбуждении... и почему ты не снимаешь шляпы? — спросил ее муж.

Она вздрогнула, почувствовала, что ее снова выдало ее замешательство, быстро встала, прошла к себе в комнату снять шляпу и до тех пор смотрела в зеркало на свои беспокойные глаза, пока ей не показалось, что взгляд ее снова стал уверенным и твердым. Тогда она вернулась в столовую.

Горничная подала обед, и наступил вечер, похожий на все другие вечера, быть может, немного молчаливее и не такой оживленный, как всегда, со скудной, усталой, часто обрывающейся беседой. Мысли постоянно возвращались назад. И всякий раз она в ужасе содрогалась, вспоминая о встрече с этой страшной вымогательницей; тогда, чтобы почувствовать себя в безопасности, она поднимала голову и окидывала нежным взором все родное кругом, все эти вещи, наполнявшие квартиру воспоминаниями и значительностью, и к ней опять возвращалось легкое успокоение. А стенные часы, мирно ступая в тишине своими стальными шагами, незаметно вливали ей в душу какую-то уверенную, беззаботную размеренность.

На следующий день, когда муж ушел в канцелярию, а дети отправились гулять, и она осталась наконец наедине с собой, эта ужасная встреча, воскрешенная при ясном утреннем свете, стала казаться ей далеко не такой страшной. Прежде всего фрау Ирена вспомнила, что на ней была очень густая

вуаль, так что эта особа не могла ясно разглядеть ее лица и не узнает ее при встрече. Она принялась спокойно обдумывать меры предосторожности. Она ни за что больше не пойдет к своему возлюбленному на квартиру, этим устраняется возможность подобного нападения. Остается лишь опасность случайной встречи с этой женщиной, но и это невероятно, потому что выследить ее, когда она ехала на автомобиле, та не могла. Имени и адреса она не знает, узнать ее как-нибудь иначе она тоже не может, потому что слишком смутно видела ее лицо. Но фрау Ирена и на этот крайний случай вооружена. Уже свободная от тисков страха, она – таково ее решение – попросту будет держать себя совершенно спокойно, будет все отрицать, заявит холодно, что это какая-то ошибка, и, так как вряд ли можно будет доказать, иначе, чем на месте, что она действительно там была, она в случае необходимости обвинит эту особу в вымогательстве. Недаром фрау Ирена – жена одного из известнейших адвокатов столицы; из разговоров мужа с коллегами она знает, что всякое вымогательство нужно пресекать в самом начале и с полнейшим хладнокровием, ибо малейшая нерешительность, малейший намек на беспокойство со стороны преследуемого только усиливают противника.

Первой мерой защиты было краткое письмо возлюбленному, где она сообщала, что завтра в условленный час не может прийти и в ближайшие дни тоже не придет. Ее гордость была уязвлена тягостным открытием, что в жизни своего возлюб-

ленного она сменила такую низкую и недостойную предшественницу, и, неприязненно взвешивая слова, она злобно радовалась тому, с какой холодностью она свое увлечение как бы возвышает до степени прихоти.

С этим молодым человеком, пианистом, она случайно познакомилась на одном вечере и вскоре вслед за тем, собственно, даже не желая того и почти не сознавая этого, стала его любовницей. Это не было влечение крови, ничто чувственное и едва ли что-нибудь духовное связывало ее с ним: она ему отдалась, не нуждаясь в нем и не стремясь к нему, по какой-то неспособности оказать сопротивление его воле и из чувства какого-то беспокойного любопытства. Ни ее вполне удовлетворенная супружеским счастьем кровь, ни столь частое у женщин ощущение, что гаснут ее духовные интересы, ничто не толкало ее завести любовника, она была вполне счастлива рядом с состоятельным, духовно превосходящим ее мужем и двумя детьми, лениво и довольно ведя спокойное, буржуазное, безоблачное существование. Но бывает такая вялость атмосферы, которая пробуждает чувственность совершенно так же, как зной или гроза, бывает такой счастливый покой, который волнует больше, чем несчастье. Сытость возбуждает так же, как и голод: безопасность, благополучие ее жизни пробудили в ней жажду приключений.

И вот, когда в эти минуты удовлетворенности, которую сама она не в силах была обострить, этот молодой человек вошел в ее буржуазный мир, где мужчины обыкновенно по-

чтительно превозносили в ней «красивую даму», с невинными шутками и безобидным кокетством, никогда не вождемая в ней женщины, она впервые с девичьих лет снова почувствовала глубокое волнение. В его облике ее привлекла, быть может, лишь тень печали, лежавшая на его чуть-чуть слишком интересно придуманном лице. Ей, окруженной сытыми, буржуазно настроенными людьми, в этой печали почудился какой-то высший мир, и она невольно перегнулась за ограду своих повседневных чувств, чтобы заглянуть в него. Комплимент минутного восхищения, сказанный, быть может, с большим огнем, чем это принято, заставил его поднять голову от рояля, и уже этот первый взгляд стремился к ней. Она испугалась и в то же время ощутила всю отраду страха. Разговор, весь словно озаренный и согретый подземным пламенем, разжег пробудившееся в ней любопытство так сильно, что она не могла отказаться от новой встречи на публичном концерте. Затем они начали видеться часто и уже не случайно. Под влиянием самолюбивой мысли, что он, настоящий художник, ценит ее понимание и ее советы, как он неоднократно ее уверял, она спустя несколько недель легкомысленно поверила ему, будто он хочет сыграть ей, ей одной, свое последнее произведение у себя дома, – обещание, быть может, вначале наполовину искреннее, но кончившееся поцелуями и тем, что, неожиданно для себя, она отдалась ему. И первым ощущением был испуг перед этим внезапным переходом к чувственности; таинственный трепет,

окужавший их отношения, был вдруг развеян, и сознание неумышленной вины перед мужем было только отчасти заглушено тщеславным чувством, что она впервые и, как ей казалось, по собственному желанию отвергла тот буржуазный мир, в котором жила. Сознание падения, мучившее ее в первые дни, превратилось под влиянием тщеславия в гордость. Но и эти полные таинственности волнения сохраняли свою напряженность лишь первое время. В глубине души она инстинктивно отворачивалась от этого человека и, главным образом, от того нового, от того необычного, что, в сущности, и увлекло ее любопытство. Страсть, опьянявшая ее, когда он играл, в минуты телесной близости тревожила ее; ей были не по душе эти неожиданные и властные объятия, своенравную необузданность которых она невольно сравнивала с робкой и после долгих лет все еще благоговейной страстью своего мужа. Но, раз изменив, она продолжала приходить к возлюбленному, не испытывая ни счастья, ни разочарования, из какого-то чувства обязанности и по косности привычки. Спустя несколько недель она отвела этому молодому человеку, своему возлюбленному, определенное место в жизни, уделила ему точно так же, как родителям мужа, один день в неделю, но ради этих новых отношений она не отказалась от старого уклада, а только прибавила нечто к своей жизни. Возлюбленный ничего не изменил в удобном механизме ее существования, он превратился в какой-то придаток размеренного счастья, подобно третьему

ребенку или автомобилю, и вскоре любовная связь приобрела в ее глазах банальность дозволенного наслаждения.

И вот, когда ей пришлось в первый раз оплатить эту связь истинной ценой, ценой опасности, она стала мелочно взвешивать, чего она, собственно, стоит. Фрау Ирена была избалована судьбой, изнежена родителями, а благоприятные материальные условия лишили ее почти всяких желаний, и первая же помеха оказалась ей не по силам. Она не склонна была отказываться от душевной беззаботности и готова была, не размышляя, пожертвовать возлюбленным ради комфорта.

Ответ возлюбленного, испуганное, нервное, бессвязное письмо, принесенное посыльным в середине дня, письмо, в котором он растерянно молил, жаловался и обвинял, поколебало ее решение покончить с этой связью, потому что его страсть льстила ее самолюбию, а исступленное отчаяние приводило ее в восторг. Он в самых настойчивых выражениях просил ее хотя бы о кратком свидании, чтобы он мог, по крайней мере, выяснить, в чем его вина, если он чем-нибудь невольно оскорбил ее, и она увлеклась новой игрой: продолжать на него сердиться и, беспричинно избегая его, стать ему еще дороже. Она пригласила его прийти в одну кондитерскую, вдруг вспомнив, что однажды, будучи молодой девушкой, она назначила там свидание одному актеру, свидание, казавшееся ей теперь ребяческим своей почтительностью и беспечностью. «Странно, – улыбалась она внутренне, – ро-

мантика, исчезнувшая из моей жизни за годы замужества, снова расцветает». И она была почти рада вчерашней встрече с этой грубой особой, когда она опять, после стольких лет, пережила такое сильное, подстегивающее чувство, что ее всегда легко успокаивающиеся нервы все еще продолжали трепетать.

На этот раз она надела темное, не бросающееся в глаза платье и другую шляпу, чтобы при возможной встрече с той женщиной ввести ее в заблуждение. Она собиралась уже повязать вуаль, чтобы труднее было ее узнать, но вдруг заупрямилась и отложила вуаль в сторону. Неужели она, всеми уважаемая, почтенная дама, не решается выйти на улицу из страха перед какой-то особой, которой она совершенно не знает?

Мимолетный страх она ощутила только в первую секунду, выходя на улицу, нервный трепет, струящийся и холодный, как бывает, когда опускаешь ногу в воду, прежде чем броситься в волны. Но эта дрожь охватила ее лишь на секунду, вслед за этим в ней закипела вдруг удивительная радость, ей было приятно, что она ступает так легко, сильно и упруго, напряженной, стремительной походкой, какой она сама за собой не знала. Она почти жалела, что кондитерская так близко, какая-то сила неумолимо влекла ее дальше, в притягивающую как магнит неизвестность. Но у нее было мало времени для свидания, а приятная уверенность в крови подсказывала ей, что возлюбленный уже ждет. Когда она во-

шла, он сидел в углу. Он вскочил взволнованно, и это было ей и приятно, и вместе с тем тягостно. Ей пришлось просить его говорить тише, таким горячим водоворотом вопросов и упреков встретил он ее в своем смятении. Не объясняя ему, почему она не хочет больше приходить, она играла намеками, которые еще больше разжигали его своей неопределенностью. Она оставалась недостижимой для его желаний и не решалась даже обещать, чувствуя, как она его возбуждает таинственной и неожиданной уклончивостью и недоступностью... И когда, после получаса горячей беседы, она покинула его, не выказав и даже не посулив ни малейшей нежности, у нее внутри горело странное чувство, которое она испытывала только девушкой. Точно в ней где-то глубоко теплился маленький щекочущий огонек и только ждал ветра, чтобы вспыхнуть пламенем, которое охватило бы ее с головы до ног; на ходу она жадно ловила каждый взгляд, брошенный ей улицей, и неожиданный успех, который она читала в мужских глазах, пробудил в ней такое желание увидеть свое лицо, что она вдруг остановилась перед зеркалом цветочной витрины, чтобы в раме красных роз и блестящих от росы фиалок взглянуть на свою красоту. С девичьих лет она не ощущала такой легкости, такой одушевленности всех чувств; даже первые дни замужества, даже объятия возлюбленного не зажигали таких искр в ее теле; и ей показалась нестерпимой мысль, что сейчас ей придется разменять на размеренные часы всю эту удивительную легкость, эту сладостную одержи-

мость в крови. Она устало пошла дальше. Перед домом она снова остановилась, чтобы еще раз вдохнуть полной грудью этот огненный воздух, головокружение этого часа, чтобы до самой глубины сердца ощутить эту последнюю, уходящую волну свободы.

Вдруг кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась.

– Что... что вам нужно опять от меня? – пролепетала она в смертельном испуге, увидев ненавистное лицо, и испугалась еще больше, услышав свои собственные роковые слова. Она ведь решила не узнавать эту женщину при встрече, отрицать все, встретить вымогательницу лицом к лицу... Теперь уже было поздно...

– Я уже полчаса поджидаю вас здесь, фрау Вагнер.

Ирена содрогнулась, услышав свое имя. Эта женщина знает, где она живет. Теперь все погибло, она в ее власти, и спасения нет.

– Я жду уже полчаса, фрау Вагнер. – Она повторила свои слова угрожающим тоном, как упрек.

– Чего вы хотите?... Что вам нужно от меня?..

– Вы же знаете, фрау Вагнер. – Ирена снова вздрогнула, услышав свое имя. – Вы знаете отлично, почему я пришла.

– Я его больше ни разу не видела... оставьте меня теперь в покое... Я его никогда больше не увижу... никогда...

Женщина спокойно ждала, пока Ирена не умолкла от волнения. Затем сказала грубо, точно разговаривала со своей подчиненной:

– Не лгите! Я ведь шла за вами до кондитерской, – и, видя, как Ирена отшатнулась, прибавила с усмешкой: – У меня ведь нет занятий. Из заведения меня уволили, потому что работы мало, как они говорят, и времена плохие. Что же, этим пользуешься и идешь прогуляться... совсем как приличная дама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.